

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Линь Гуаньцзюнь

**ЭТНОМЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ИЗОБРАЖЕНИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
(ХАРБИН, 1920-е–1930-е ГОДЫ)**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2021

Работа выполнена на кафедре истории новейшей русской литературы и
современного литературного процесса филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: **Солнцева Наталья Михайловна**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Шешкен Алла Геннадьевна**
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры славянской филологии,
заведующая научно-исследовательской
лабораторией «Русская литература в
современном мире» филологического
факультета ФГБОУ ВО Московский
государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Темиршина Олеся Равильевна
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры истории журналистики и
литературы ОЧУ ВО Институт
международного права и экономики имени
А.С. Грибоедова

Федякин Сергей Романович
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры новейшей русской
литературы ФГБОУ ВО Литературный
институт имени А.М. Горького

Защита диссертации состоится «16» декабря 2021 г. в 16 часов на заседании
диссертационного совета МГУ.10.05 Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП-1,
Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус
гуманитарных факультетов, филологический факультет. E-mail:
ruslitxxcentury@gmail.com

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной
библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на
сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/404290797/>

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук



О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В произведениях русских писателей харбинской диаспоры 1920-х–1930-х годов отчетливо проявилась специфика восприятия Востока. Мир «других», особенности жизни «чужих» – одна из доминантных тем в прозе русской эмиграции Харбина. Рассмотренные в диссертации произведения характеризуют литературу эмиграции как опыт узнавания китайского мира; при этом русские прозаики не актуализировали ни этнические стереотипы, ни противопоставление восточных и западных ментальностей. В эмигрантской литературе образы китайской ментальности формировались благодаря сочетанию непредвзятого осмысления фактов и реалий, усвоения культурных ценностей местного населения с индивидуальными свойствами художественного мышления писателей, их субъективной рефлексией, личной причастностью к событиям, повлиявшим на содержание произведений.

Актуальность диссертационного сочинения обусловлена растущим интересом к русской литературе Харбина, истории и культуре Китая XX в., ментальности китайцев, развитием ориентальных и имагологических тенденций в гуманитарных исследованиях.

Предмет исследования – изображение в прозе писателей дальневосточной эмиграции свойственной китайцам, в целом коренным народам фронтальных территорий Дальнего Востока культурной, религиозно-философской аксиологии, их склада ума, мифопоэтических представлений, устойчивых поведенческих приоритетов, психологических специфик, бытовых привычек. В диссертации прослеживается избирательное и совокупное описание авторами как социально-культурных, так и природных детерминантов этноментальности.

Объект исследования – проза Н.А. Байкова (1872–1958), П.В. Шкуркина (1868–1943), Б.М. Юльского (1912–1950?).

Материал исследования составляют циклы рассказов «Хунхузы» (1924), «Игроки» (1926) Шкуркина, рассказы «Возвращение г-жи Цай» (1937), «Путь дракона» (1939), «След лисицы» (1939) Юльского, повесть «Великий Ван» (1936)

Байкова. К анализу привлечены проза и лирика других русских харбинцев – А.И. Несмелова, Вс.Н. Иванова, М. Колосовой, а также произведения В.К. Арсеньева, К.Д. Бальмонта, А.А. Блока, В.Я. Брюсова, М.А. Булгакова, Н.Г. Гарина-Михайловского, А.С. Грина, Н.С. Гумилева, Е.И. Замятина, Вс.В. Иванова, Ю.В. Мамлеева, О.Э. Мандельштама, В.О. Пелевина, А. Платонова, М.М. Пришвина, А.С. Пушкина, А.Н. Толстого, С.М. Третьякова, В.Ф. Ходасевича, М.И. Цветаевой, А.П. Чехова Е.Л. Шварца и др. Литературный контекст представлен произведениями европейской (Э.М. Арндт, К.А. Вульпиус, Дж. Герберт, Э.Т.А. Гофман, А. Камю, Ф. Шиллер и др.) и китайской литературы (Гань Бао, Го Пу, Пу Сунлин, У-гоу-дао-жэнь, У Чэньэнь, Фань Е, Цао Юй, Цюй Юань, Чжао Е, Чу Жэньхо, Ши Найань и Ло Гуаньчжун, др.).

Степень научной разработанности темы. В середине XX в. изучением дальневосточного эмигрантского творчества как части литературы русского зарубежья и как самостоятельного явления в основном занимались русские харбинцы (В. Перелешин, Ю. Крузенштерн-Петерс, М. Волин, В. Петров и др.) после своего переезда из Китая в другую страну. В России со второй половины 1980-х годов в трудах специалистов (В. Агеносов, Г. Мелихов, Е. Таскина и др.) был поставлен вопрос о принадлежности произведений эмигрантов харбино-шанхайской диаспоры к единому потоку русской литературы. С середины 1990-х, в начале 2000-х годов литературный Харбин был исследован в ряде научных работ¹; темой диссертационного анализа стало творчество конкретных писателей (Н. Байкова, Вс.Н. Иванова, В. Перелешина, А. Несмелова)². В XXI в. изучение русской литературы харбинской диаспоры углубляется; герменевтика и

¹ Кандидатские диссертации: Цзяо Чень «Русский литературный Харбин 1920–1930-х годов» (1994), Сюй Гохун «Литературная жизнь русской эмиграции в Китае (1920–1940-е годы)» (1996), Лю Хао «Поэзия русской эмиграции в Харбине: основные имена и тенденции» (2001) и др.; докторская диссертация О.А. Бузуева «Литература русского зарубежья Дальнего Востока: Проблематика и художественное своеобразие (1917–1945 гг.)» (2001) и др.

² Докторская диссертация С.И. Якимовой «Жизнь и творчество Вс.Н. Иванова в историко-литературном контексте XX века» (2002); кандидатские диссертации: Е.А. Неживая «Художественный мир Н.А. Байкова» (2000), Н.Н. Плостина «Творчество Н.А. Байкова: Проблематика, художественное своеобразие» (2002), О.Н. Романова «Лирика Арсения Несмелова: Проблематика, мифопоэтика, поэтический язык» (2002), Т.М. Соловьева «Лирика Валерия Перелешина: проблематика и поэтика» (2002), Чен Лэй. «Творчество Арсения Несмелова» (2002) и др.

контекстный анализ произведений, описание издательских стратегий и истории публикаций составили содержание монографий, сборников трудов по истории литературы русской эмиграции и в целом русской литературы XX в.³ Большой вклад в изучение русской литературы харбинской диаспоры вносят дальневосточные исследователи Н. Белозубова, Е. Жарикова, А.А. Забияко, А.П. Забияко, Е. Кириллова, И. Ковальчук, Е. Конталева, А. Хисамутдинов, Г. Эфендиева и др.

В научных трудах XXI в. расширен круг исследуемых авторов (Л. Андерсен, А. Ачаир, Г. Гранин, М. Колосова, В. Март, П.А. Северный, А.П. Хейдок, П.В. Шкуркин, Н.А. Щеголев, М.В. Щербаков, Б.М. Юльский, Е.Е. Яшнов и др.) и произведений. Сделан акцент на выявлении источников мотивов, специфике литературного ориентализма, модификации жанров, соотношении реальности и образа, литературы и социокультурной ситуации. Так, в ряде научных работ, составивших сборник «Русский Харбин, запечатленный в слове» (2012), посвященный 70-летию В.В. Агеносова, литература эмигрантов анализируется в источниковедческом и текстологическом аспектах.

В Китае изучение литературы русской дальневосточной эмиграции можно разделить на три этапа: начальный (1992–2001), этап развивающегося освоения (2002–2009) и этап стремительного развития исследований (с 2010) ⁴. Репрезентативны коллективные труды «Плывущий лотос в буре: Русская эмиграция в Китае (1917–1945)» (1997), «История русской эмиграции в Харбине» (2003), «Русская эмиграция и хэйлунцзянская культура: Влияние

³ Ю. Азаров «Диалог поверх барьеров: литературная жизнь русского зарубежья: центры эмиграции, периодические издания, взаимосвязи (1918–1940)» (2005), его докторская диссертация «Литературные центры первой русской эмиграции: история, развитие и взаимодействие» (2006); А. Чагин «Пути и Лица. О русской литературе XX века» (2008); коллективные труды «История русской литературы XX века (20–50-е годы): Литературный процесс» (2006), подготовленная специалистами филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, «Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты поэтов: в 2 т.» (2008) под редакцией А. Гачевой и С. Семеновой, созданная исследователями филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова «История литературы русского зарубежья (1920-е – начало 1990-х гг.)» (2011) под редакцией А.П. Авраменко; кандидатские диссертации А.А. Краснояровой ««Китайский текст» русской литературы» (2019), Ван Е «Истоки и художественная семантика орнитологических образов в лирике восточной ветви русского зарубежья» (2019) и др.

⁴ См.: Ван Яминь. Чжунго цзай хуа элосы цяоминь вэньсюе яньцзю 25 нянь (25-летнее исследование литературы русской эмиграции в Китае). 王亚民. 中国在华俄罗斯侨民文学研究 25 年 // Цзефанцзюнь вайгойю сюеюань сюебао (Вестник Института иностранных языков НОАК). 解放军外国语学院学报. 2017. № 5. С. 156.

русской эмиграции на Харбин» (2011), научные работы Ван Яминь, Го Инин, Дяо Шаохуа, Ли Дань, Ли Мэн, Ли Яньлина, Лин Цзяньхоу, Лю Хунбо, Му Синь, Мяо Хуэй, Чжао Тин, Чжу Вэньюй, Чжэн Лиин и др. Китайские исследования ориентированы на герменевтический анализ текстов, осмысление творческой специфики конкретных литераторов (Перелешина, Несмелова, Байкова, Хейдока и др.), историю и выявление общих тенденций литературной эмиграции, а также на вопросы теории. Параллельно издаются произведения русских харбинцев на языке оригинала и в переводе на китайский язык. В научный оборот введен достаточно широкий круг текстов, однако внимание китайских русистов более сосредоточено на поэзии Перелешина и прозе Байкова.

За последнее тридцатилетие изучение русской литературы харбинской диаспоры дало значительные результаты, но по-прежнему нуждается в расширении перечня произведений, определении биографических, литературных, культурологических источников мотивов и образов, систематизации мировоззренческих ориентиров, углубленном анализе поэтики, выстраивании контекста. В исследовании литературы восточной ветви эмиграции еще не достигнута полнота представлений о связи художественного текста с имагологией. Вместе с тем авторы научных работ приносят в анализ художественных текстов имагологический аспект⁵, обращаются к вопросу о восприятии Китая русскими писателями⁶, мифологизации Китая и китайцев⁷. Отмечаем работы А.А. Забияко, А.П. Забияко, Д.П. Болотина и других о дальневосточной ментальности в произведениях русских писателей Харбина, в целом об этномиграционных процессах, маньчжурской национальной специфике⁸.

⁵ Цао Сюэмэй, О.В. Дефье «Образ и мотивы “китайского ума” в произведениях русских писателей XVIII века» (2017), Цзя Юннин «Образ Китая в поэзии Арсения Несмелова и Валерия Перелешина» (2019), Цуй Лу «Рецепция китайской культуры и ее отражение в поэзии русской дальневосточной эмиграции 1920–1950-х гг.» (2021) и др.

⁶ А.В. Лукин «Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XX веках» (2007), Е.А. Осьминина «Культура Китая в представлении русского футуризма (на примере антологии “Свирель Китая”» (2020), «Соловьевский Китай и его влияние на современников» (2020) и др.

⁷ Цао Сюэмэй «Мифологизация образов Китая и китайцев в русской прозе 1920-х годов» (2019) и др.

⁸ С.Э. Аниховский, Д.П. Болотин, А.П. Забияко, Т.А. Пан «“Маньчжурский клин”: История, народы, религии» (2005); А.П. Забияко, Р.А. Кобызов, Л.А. Понкратова «Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке» (2009); А.А. Забияко «Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература

По сравнению с русской поэзией харбинской диаспоры проза писателей-харбинцев изучена значительно меньше. *Научная новизна* диссертационного исследования заключается в выявлении специфики художественного освоения Шкуркиным, Юльским, Байковым дальневосточной этноментальности как феномена – ценностных приоритетов образа жизни, религиозных, языковых, этико-моральных, когнитивных особенностей, в целом культуры и субкультур населения фронтальных территорий. В пределах одного исследования рассмотрена интерпретация русскими писателями как социальных факторов, так и мифологических представлений, особенностей отношений местного населения и таежной природы. Благодаря контекстному анализу определяются сходства и различия мотивов прозы Шкуркина, Юльского, Байкова с мотивами, развитыми в произведениях писателей метрополии, Китая, Западной Европы.

Цель диссертационной работы состоит в комплексном анализе изображения дальневосточной (прежде всего китайской) этноментальности в произведениях русских писателей Харбина, чем обусловлен выбор имен и текстов. Для осуществления данной цели решаются следующие *задачи*:

1. обозначить исторические условия развития русской литературы в Харбине 1920-х–1930-х гг., представить общую характеристику русской прозы харбинской эмиграции в указанные годы;
2. определить пути художественного освоения этноментальности населения фронтальных территорий Дальнего Востока; рассмотреть роль этнографических реалий и мифологических интерпретаций в создании русскими писателями-харбинцами образов китайцев;
3. проанализировать специфику описания субкультур в прозе Шкуркина;
4. выявить роль пиджина как стилизованного приема в рассказах Шкуркина;
5. исследовать черты и источники мифопоэтики в рассказах Юльского;
6. на примере прозы Байкова обобщить особенности восприятия местным населением дальневосточной таежной природы;
7. изучить литературный контекст мотивов и образов прозы Шкуркина,

Юльского, Байкова.

На защиту выносятся следующие *положения*:

1. В русской литературе метрополии 1920-х–1930-х гг. сделан акцент либо на участии китайцев в Гражданской войне, либо на месте китайцев в теневой жизни города. В русской литературе харбинской диаспоры проявилось стремление к полноте представлений о культуре, сознании, национальном характере, образе жизни китайцев, других этносов приграничных территорий.

2. В прозе харбинской эмиграции изображен этнически специфичный образ мира. Аспекты представленной в произведениях этноментальности созвучны положениям и выводам, сформулированным в трудах Г.Г. Шпета («Введение в этническую психологию», 1927), К.Г. Юнга («Архетипы и коллективное бессознательное», 1936), Л.Н. Гумилева («Этногенез и биосфера Земли», 1973), Г.Д. Гачева («Ментальности народов мира», 2003). В прозе эмигрантов ментальный феномен осмыслен с точки зрения художественной гносеологии, образного освоения «чужой» реальности.

По своей проблематике произведения Байкова, Шкуркина, Юльского находятся в отношениях дополнительности; благодаря описанным в них характерам, ситуациям, способам бытия, социальным, культурным, природным детерминантам отражение «чужого» мира достигает относительной полноты.

Картина жизни китайцев представлена как доминантная культура (рассказы Юльского, повесть Байкова) и субкультура (рассказы Шкуркина). Взаимосвязи китайцев и других народов (например, русских, нанайцев, удэгейцев) описаны как симбиоз этносов.

3. Этнографическим рассказам Шкуркина присуща документальность. Повествовательной манере Шкуркина свойственна педантичность в географических и бытовых деталях, в воссоздании лексической культуры; в рассказах используется харбинский русско-китайский пиджин, приведены кальки из иных языков.

В описании судеб, социальной и политической роли хунхузов, психологии игроков подчеркнуто следование национальным традициям и отступление от них.

В большинстве рассказов суждения персонажей, мотивации поступков определяются как спецификой межличностных и этнических отношений, сложившихся во фронтирной зоне российского Дальнего Востока, Маньчжурии, Кореи, Монголии, так и нормами конфуцианства. Описанные моральные критерии соответствуют положениям трудов этнологов, таких как Гао Чэнюань, Ли Цзунъю, Линь Юйтан, Хо Цинхэн, Н.А. Спешнев и др.

Шкуркин подчеркивает нейтральность своей позиции по отношению к этическим ситуациям, противоречащим моральным нормам европейцев, относится к китайцам как носителям самодостаточной цивилизации. Корректное отношение Шкуркина к Востоку созвучно точке зрения Э.В. Саида («Ориентализм», 1978), критически высказывающегося о европоцентристском восприятии восточной реальности и восточной ментальности.

4. Одно из тематических направлений прозы Юльского – магическая реальность восточного мира. В рассказах Юльского этнокультура китайцев характеризуется их мифопоэтическим осмыслением бытия. Писатель выстраивает повествование на сюжетах об оборотнях (крыса, дракон, лисица), сочетает мистические и приключенческие элементы. В целом ориентируясь на наследие китайской письменной и устной литературы («Чу Цы» [«Чуские строфы»], «Люйши Чуньцю» [«Анналы Люй Бувэя»], «Соу шэнь цзи» [«Записки о поисках духов»], «Ляо-чжай-чжи-и» [«Описание чудесного из кабинета Ляо»] и др.), Юльский прибегает к синтезу восточной, русской, европейской традиций. Сюжеты и персонажи рассказов соотносятся с аналогичными, представленными в мировой неомифологической прозе и поэзии (Э.Т.А. Гофман, А.С. Грин, Н.С. Гумилев, Е.И. Замятин, Вс.Н. Иванов, А.И. Несмелов, Пу Сунлин, М.И. Цветаева, Е.Л. Шварц и др.).

5. В творчестве писателя-натуралиста Байкова, характерах и пейзажных описаниях его прозы наблюдаются черты стилевой манеры и Шкуркина, и Юльского – реалистическое, детализированное изображение дикой природы Маньчжурии сочетается с мифопоэтическими воззрениями китайцев. Частотный прием в изображении животного и растительного мира тайги –

антропоморфизация. Этноментальность местных жителей проявляется в культе тотемного зверя – тигра, в буддистских, конфуцианских, даосских, восточных языческих представлениях.

В повести «Великий Ван» китайский менталитет в его идеальном выражении запечатлен в образе старого охотника – носителя натурфилософской аксиологии в ее непосредственном, наивном и мистическом выражении; его сознание соответствует жизненным ценностям естественного человека в даосской интерпретации («Чжуан-цзы», III в. до н.э.). Его образ схож с персонажами В.К. Арсеньева («По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь», 1906–1917; «Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 году», 1908–1917), М.М. Пришвина («Женьшень», 1933), что позволяет сделать вывод о формировании в русской литературе литературного типа – Великого Старика, выразителя взгляда на отношения «природа – человек», «природа – цивилизация».

Теоретическая и методологическая основа исследования. В работе применены герменевтический, сопоставительный, культурно-исторический и мифопоэтический подходы к анализу текстов. Теоретическую основу диссертации составили труды А.Н. Веселовского, В.М. Жирмунского, Ю.М. Лотмана, Е.М. Мелетинского, В.В. Проппа, В.Н. Топорова. Положения, касающиеся понятия «этноментальность», соотнесены с выводами, изложенными в трудах Г.Д. Гачева, Л.Н. Гумилева, Г.Г. Шпета, К.Г. Юнга. Анализируя специфику литературы харбинской диаспоры, мы опирались на научные труды О.А. Бузуева, А.А. Забияко, Е.О. Кирилловой, Цзяо Чень и др.

Теоретическая и научно-практическая значимость работы определяется систематизацией и сопоставлением образов, мотивов, выражающих авторское представление об этнической ментальности в проекции «свой – чужой»; результаты исследования могут быть использованы в лекционных курсах и на семинарах по истории русской литературы XX в., литературы русского зарубежья.

Достоверность и обоснованность результатов исследования

определяется системным подходом к анализу большого корпуса текстов, использованием различных методов, применяемых в изучении теории и истории литературы.

Апробация работы. Диссертационное исследование прошло апробацию в качестве научно-квалификационной работы (кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, 25.08.2021 г.). По теме диссертационного исследования опубликовано шесть статей. На международных конференциях прочитано восемь докладов: 1) «Этнографический колорит в цикле рассказов “Хунхузы” П.В. Шкуркина» (Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2019». МГУ им. М.В. Ломоносова, 8–12 апреля 2019 г.); 2) «Хунхузы как благородные разбойники на фоне мировой литературы» (IX Международный форум при журнале «Русская литература и искусство» «Русская литература XX–XXI веков». Фуданьский университет, 6–7 июля 2019 г.); 3) «Образы китайской культуры в художественном сознании писателей XX века» (Семинар «Россия и Китай: литературная рецептивная эстетика». РУДН, 3 октября 2019 г.); 4) «Оборотни-крысы госпожа Цай и А-сянь как волшебные помощники (на материале творчества Б. Юльского)» (XIV международная научно-практическая конференция «Россия и Китай на дальневосточных рубежах»: Народы и культуры Северо-Восточного Китая. Амурский государственный университет, 17–18 сентября 2020 г.); 5) «Дальневосточный русско-китайский пиджин как стилевой прием в цикле рассказов “Игроки” П.В. Шкуркина» (Вторая международная научно-практическая конференция «Любимый Харбин – город дружбы России и Китая». Русский клуб в Харбине, 18–20 сентября 2020 г.); 6) «Этнокультурная специфика в повести “Великий Ван” Н.А. Байкова» («Rossica. Русская литература в мировом культурном контексте. Скрещении взглядов». ИМЛИ РАН, 7–9 декабря 2020 г.); 7) «Китайская ментальность в “Игроках” П.В. Шкуркина» (VII Международная научная конференция

«Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)». Москва, 17–19 декабря 2020 г.); 8) «Мифопоэтика оборотня-лисицы в рассказах Б.М. Юльского и Пу Сунлина» (IX Международная научная конференция «Проблемы литератур Дальнего Востока». СПбГУ, 28–30 января 2021 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии, включающей 322 позиции. Общий объем диссертационной работы составил 208 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **«Введении»** обоснована актуальность темы диссертационной работы, представлен обзор истории изучения русской литературы харбинской эмиграции. Обозначены предмет, объект, материалы исследования. Определены цели, задачи, научная новизна. Сформулированы основные положения, выносимые на защиту. Названы теоретико-методологические подходы, представлены сведения об апробации, теоретической и практической значимости, структуре диссертации.

В первой главе **«Ментальный мир китайцев в художественном восприятии русских писателей XX в.»** представлена общая характеристика русской прозы харбинской эмиграции и исторические реалии Харбина в 1920-х–1930-х гг., систематизируются основные тенденции в изображении Китая и китайцев русскими писателями метрополии 1920-х–1930-х гг.

В параграфе 1.1 **«Исторические условия формирования харбинской диаспоры. Общая характеристика русской прозы Харбина»** описана историческая обстановка, сложившаяся в Харбине в 1920-х–1945-м гг. В 1920-е–1930-е гг. литература русского Харбина достигла вершины своего развития. Харбинской прозе присуще тематическое разнообразие и широкий жанрово-родовой диапазон (публицистика, мемуары, очерки, повести, рассказы).

С.И. Гусев-Оренбургский и С.Г. Скиталец (С.Г. Петров) в основном пишут историческую прозу; П.В. Шкуркин и Н.А. Байков сосредоточивают свое внимание на восточной теме, ориентальная проза А.П. Хейдока отмечена романтическими чертами; Б.М. Юльский создает свою фронтирную мифологию; В.Н. Иванов пишет актуальную прозу, обращенную к событиям конца 1910-х–1920-х гг., историческую прозу; А.И. Несмелов пишет военную прозу.

В параграфе 1.2 *«Этноментальность как предмет художественного освоения в русской прозе харбинской диаспоры»* объясняется понятие «этноментальность» применительно к прозе русского Харбина. Согласно положениям трудов Шпета, в «вопросах психологии народов и рас», в антропологии «этнографические аргументы», понятие «народный дух»⁹ имеют свои давние традиции. Содержательные смыслы этноментальности соответствуют представлениям о национальной картине мира – унаследованной и изменяющейся.

Для творчества русских писателей дальневосточной ветви справедлива мысль Гачева об эвристическом, но не идеологическом подходе к освоению этнической специфики¹⁰. К общим свойствам ориентальной русской прозы Харбина относятся: 1) восприятие образа жизни восточных этносов в его полноте, многообразии и частностях; в отличие от писателей метрополии, прозаики-эмигранты, погруженные в китайский мир, наблюдали его изнутри; 2) отсутствие европоцентристских оценок «чужой» культуры при сохранении своих ментальных приоритетов; 3) сочетание литературной имагологии, ее возможностей отражения характеров, речевых особенностей, в целом менталитета с документальностью, характерной для исторической имагологии.

Понимание этноментальности как «исторически сложившейся устойчивой органической целостности социально-психологических качеств и черт, присущих именно этой этнической общности»¹¹, объясняет наше обращение к

⁹ Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. СПб.: Изд. дом П.Э.Т., Алетейя, 1996. С. 14.

¹⁰ «понять национальное как особый талант зрения», «явить взаимную дополнительность <...> между странами и народами, описать национальный мир и ум как инструмент с особым тембром в симфоническом оркестре человечества» (Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. С. 5).

¹¹ Кукоба О.А. Природа и структура этнического менталитета // Философия и общество. 2004. № 4 (37).

древним литературным и философским памятникам Китая, к архетипам¹², которые, при всей своей универсальности, формируются согласно природе этносов и обеспечивают в истории существования этносов смысловую связь между поколениями и эпохами. В китайском мире сильна культурная память, чему посвящено немало научных работ, выводы которых позволяют судить о константах китайской ментальности. Вместе с тем, А.П. Забияко, выдвинув понятие «фронтирная ментальность», которому соответствует определение: «духовная формация, выражающая идейно-психологические особенности индивидов и групп, существующих в условиях порубежья»¹³, сформулировал такие специфики ментальности дальневосточного фронта, как кратковременность, отсутствие длительного исторического и традиционного накопления. Указанным особенностям соответствуют характеристики субкультур, изображенные в прозе Шкуркина.

В 1920-е–1930-е гг. в Маньчжурии и Российском Дальнем Востоке китайцы сохраняли симбиотическую (Л.Н. Гумилев «Этногенез и биосфера Земли», 1973) форму контактов с другими народами.

В параграфе 1.3 *«Восприятие Китая и китайцев в русской литературе метрополии 1920-х–1930-х гг.»* анализируется образ Китая и китайцев в произведениях М.А. Булгакова, Вс.В. Иванова, О.Э. Мандельштама, В.В. Маяковского, Б.А. Пильняка, А. Платонова, М.М. Пришвина, С.М. Третьякова, Н.М. Олейникова и др. В 1920-е–1930-е гг. под влиянием исторических событий образ Китая и китайцев претерпел изменение – от прежнего условного к конкретизированному, соответствующему реальности. Однако в тематическом отношении восприятие Китая и китайцев было достаточно односторонним, в целом ряде произведений характеры китайцев представлены в контексте русского социума, акцент сделан на особенностях их адаптации к революционной действительности либо к маргинальным

С. 105.

¹² Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / Пер. А. Чечиной. М.: Издательство АСТ, 2019.

¹³ Забияко А.П. Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII – начала XX вв. // Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2009. С. 10.

социальным сферам.

Во второй главе **«Этнографические рассказы П.В. Шкуркина (циклы рассказов “Хунхузы” и “Игроки”)**» анализируется изображение психологических типов, явлений, событий, характеризующих субкультуры, сложившиеся в Маньчжурии и Российском Дальнем Востоке.

В параграфе 2.1 **«Благородный разбойник в литературной рецепции»** анализируется восточный вариант образа благородного разбойника – хунхуза. Литературный контекст хунхузов, изображенных русскими харбинцами, прежде всего Шкуркиным в цикле рассказов «Хунхузы», составляют произведения китайские («Речные заводи» (XIV в.) Ши Найаня и Ло Гуаньжуна), русские («Дубровский» (1833), «История Пугачева» (1834) Пушкина, послеоктябрьская историческая литература об И.И. Болотникове, С.Т. Разине, Е.И. Пугачеве) и европейские (фольклор о Робине Гуде, «Ринальдо Ринальдини, атаман разбойников» (1797) Вульпиуса, «Разбойники» (1781) Шиллера и др.). В параграфе обозначена эволюция образа благородного разбойника, универсальность и специфичность его интерпретаций. Образ хунхуза менее всего отмечен романтическими чертами. В содержание рассказов Шкуркин как реалист и востоковед привнес разнообразные характеристики¹⁴, созвучные высоким этическим традициям китайцев и противоположные им; при этом писатель сохраняет национальный колорит.

В параграфе 2.2 **«Черты этнографической прозы в “Хунхузах” П.В. Шкуркина»** сделан акцент на педантичности географических характеристик, точном описании фронтального пейзажа, хозяйственно-экономического устройства, быта хунхузов, религиозной культуры китайцев, иерархической этики и норм повседневного поведения, отношений хунхузов с правительством, специфики речи хунхузов. В прозе Шкуркина сочетаются черты рассказа и этнографического очерка, предполагающего описание страноведческого содержания. Рассказчик – русский офицер, собирающий

¹⁴ В рассказах Б.М. Юльского, в романе Н.А. Байкова «Черный капитан» (<1943>) акцент сделан на мстительности, жестокости, преступной психике, агрессивности хунхузов, их образы демонизированы.

материал о хунхузах. Достоверность событий и характеров подчеркнута краткими авторскими комментариями в тексте рассказа и уточнениями в постраничных примечаниях. При явной реальной основе повествования в рассказах («Маньчжурский князек» и др.) очевиден художественный вымысел.

Писательской манере Шкуркина свойственны лаконичные характеристики событий, персонажей, включая портреты; авторская точка зрения раскрывается через сюжетные мотивы (плен и последующее убийство жертвы, плен и последующее освобождение, пленение и расстрел хунхуза, бегство из русского полка ради вступления в отряд хунхузов и др.). В основе повествования – эпизод из жизни героя, один конфликт, одно ключевое событие; исходное событие логически соответствует финальному; место и время действия ограничены, в большинстве рассказов изложение последовательно, сохраняется один темпоральный уровень, а также – если описан один этнос – «одноплановость речевого стиля»¹⁵.

Шкуркин указывает на полемичность своего восприятия хунхузничества¹⁶. В его прозе создан не столько образ Востока, сколько его объективная, нетенденциозная картина, в его отношении к Востоку нет судящей позиции.

В параграфе 2.3 *«Достоверность этнографических рассказов П.В. Шкуркина»* проведено сопоставление цикла рассказов Шкуркина «Хунхузы» и научно-популярного издания Д.В. Ершова «Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке» (2010) – всеобъемлющего исследования хунхузничества на фронтирных территориях российского Дальнего Востока, Китая и Кореи в 1850-е–1940-е гг. Свидетельства, которые приводил Ершов, констатируют фактографическую выверенность,

¹⁵ Скобелев В.П. Поэтика рассказа. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1982. С. 59.

¹⁶ «представление о кровожадном разбойнике, жестоком грабителе, воре, вероломном обманщике, человеке-звере, чуждом всякого понятия о чести, ненавидящем иностранцев (особенно русских) и т.д. и т.д.; вот ходячее представление большинства из нас о хунхузах» (Шкуркин П.В. Хунхузы. Этнографические рассказы // Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. Т. 3: Соната над Хинганом / Гл. сост. Ли Янлен. Пекин: Китайская молодежь, 2005. С. 483).

Как отмечали в 1900-е гг., китайцы – «самостоятельно развивавшаяся психо-антропологическая раса», тогда как представление русских «о нравственности не всегда приложимо к населению Поднебесной империи», потому «с критикой надо быть вообще осторожным» (Эриксон Э.В. Китайцы как самостоятельная раса // Вестник Европы. СПб., 1905. Т. 1. С. 210, 205).

точность, достоверность описанного в текстах Шкуркина. Вместе с тем, в отличие от изображения многомерности хунхузничества в рассказах Шкуркина, образ хунхузов в монографии Ершова в основном негативен.

В параграфе 2.4 **«Китайская ментальность в “Игроках” П.В. Шкуркина»** анализируется субкультура игроков, отмеченная дихотомией. На китайскую культуру влияла «сложная синкретическая система»¹⁷ – конфуцианство, даосизм и буддизм, среди которых господствующую роль играло конфуцианство. В трудах специалистов выделяются периферические и основные (ядерные) черты этноменталитета. В этнографических рассказах «Игроки» ценностные ориентиры китайцев сочетаются с особенностями субкультуры, высший принцип конфуцианства «жэнь» (гуманность; «гуманный человек любит людей»¹⁸), традиционные национальные качества («трудолюбие и неприхотливость, умение довольствоваться житейским минимумом»¹⁹, жизнь не напоказ, пиетет как норма этики, возрастная иерархия) – с теневой стороной этнической ментальности, например с азартом, боязнью потери «лица», хитростью, жестокостью, принятыми в игорных домах (показательны рассказы «Ставки Шейлока», «Счастливый игрок (Шанхайский силуэт)», «Мечты», «Точный расчет»). Герои Шкуркина – «биологически импульсивные игроки»²⁰, но они не теряют связи с реальностью²¹. В персонажах «Игроков» запечатлена коллизия своеволия и традиции, личного максимализма и поведенческой нормы.

В параграфе 2.5 **«Пиджин как стилевой прием в “Игроках” П.В. Шкуркина»** представлен лингвопоэтический анализ этнографических рассказов, а именно разбор дальневосточного (харбинского) русско-китайского

¹⁷ Исаченко В.И. Образ Китая и китайцев в русской ментальности второй половины XIX – начале XX вв. (философско-религиоведческий анализ): дис. ... канд. филос. н. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2005. С. 104.

¹⁸ Мэн-цзы. Мэн-цзы. 孟子. 孟子 / Пер. и примеч. Му Юй. Наньчан: Цзянсиское народное издательство, 2017. С. 199.

¹⁹ Исаченко В.И. Образ Китая и китайцев в русской ментальности второй половины XIX – начале XX вв. (философско-религиоведческий анализ). С. 172.

²⁰ Ениколопов С.Н., Умняшкина Д.А. Психологические проблемы влечения к азартным играм // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2008. № 2 (15). С. 47.

²¹ В специальной литературе азартные игры рассматриваются как проявление аддиктивного поведения – «ухода в другую реальность» (Шепель Ю. Азартные игры как инструмент разрушения общества // Власть. 2007. № 7. С. 63).

пиджина и калек из иных языков. Дальневосточный русско-китайский пиджин является одним из самых ярких и богатых ветвей пиджинов второй половины XIX в. и первой половины XX в., широко распространенным в культурном и торговом обменах. Будучи синологом, Шкуркин в «Игроках» вместо русских эквивалентных слов и словосочетаний активно употреблял пиджинизированную лексику. В данном цикле рассказов около тридцати слов дальневосточного русско-китайского пиджина китайского происхождения. Нами рассмотрены: лексика, отразившая впечатления китайцев о русских, лексикон для описания образа жизни игроков и хунхузов, обозначения быта, обращения, фразы красноречия, кальки из английского, японского, французского и испанского языков. Показано, что в «Игроках» Шкуркина создан образ языка. В рассказах Шкуркина, содержание которых сведено к описанию образа жизни китайцев определенного культурного и социального круга, он органичен. Мотивированное применение автором пиджина в сочетании с другими лексическими приемами способствовало отражению реального Китая первых десятилетий XX в. в русской прозе.

В третьей главе **«Фронтирная мифология Б.М. Юльского (рассказы “Возвращение г-жи Цай”, “Путь дракона”, “След лисицы”)**» описаны пути творческого освоения русским писателем восточной мифологии в рассказах соответственно 1937, 1939, 1939 гг. В сочетании с документальностью прозы Шкуркина мифопоэтика китайцев в интерпретации Юльского способствовала созданию в прозе русских харбинцев целостного и многозначного китайского мира. В главе анализируется художественная функциональность мифологем оборотня-крысы, оборотня-дракона, оборотня-лисицы. Юльский, опираясь на личный опыт работы в горно-лесной полицейской службе, создал авторскую мифологию, на которую проецируется «система мифологических представлений носителей фронтирной ментальности»²².

²² Забияко А.А. «Фронтирная мифология» в художественной рефлексии дальневосточных писателей (20–30 гг. XX в.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: сборник материалов международной научно-практической конференции. 2011. Вып. 9. С. 119.

В параграфе 3.1 *«Мифопоэтика оборотня-крысы (“Возвращение г-жи Цай” и литературный контекст)»* мифологема оборотня-крысы рассмотрена в контексте европейской, русской, китайской литературы²³. Мы предполагаем знакомство Юльского с мифами, в которых сюжетообразующим элементом является оборотень-крыса. Мотивный ряд рассказа «Возвращение г-жи Цай» имеет очевидное сходство с текстом новеллы Пу Сунлина «А-сянь», вошедшей в состав сборника фантастических историй «Ляо-чжай-чжи-и» (XVII в.). Обратившись к китайским мифам, ориентируясь не на европейские и русские сказочные традиции, Юльский наделил образ крысы позитивной коннотацией. Героиням Юльского и Пу Сунлина соответствуют сформулированные В.Я. Проппом черты волшебного помощника.

Крыса в рассказе Юльского обладает антропоморфной природой, автор сочетает узнаваемую конкретику и образ-миф, фокусирует в героине-оборотне черты этнокультуры (например, курение опиума), стирает границу между жизнеподобным изображением и магией. Для мистического сюжета «Возвращения г-жи Цай» значимы мотивы реинкарнации, преодоления отдельности кого-либо от мира других²⁴.

В параграфе 3.2 *«Мифопоэтика оборотня-дракона (“Путь дракона”))»* анализируется мифологема оборотня-дракона в мифологической прозе Юльского. Мотивы повествования рассматриваются в контексте мифопоэтики оборотня-дракона, представленной в разных культурах: в славянской и европейской культурах образ дракона преимущественно отрицательный; в приамурской

²³ «Групповые люди» (1990) Ю.П. Азарова, «Крысолов» (1924) А.С. Грина, «Крыса» (<1908>) Н.С. Гумилева, «Мышь и Крыса» (1816) И.А. Крылова, «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1935) А.Н. Толстого, «Мыши» (1913) В.Ф. Ходасевича, «Крысолов» (1925) М.И. Цветаевой.

«Крысиный король Бирлиби» (1818) Э.М. Арндта, «Крысы» (1974) Дж. Герберта, «Щелкунчик» (1816) Э.Т.А. Гофмана, «Чума» (1947) А. Камю.

«Ван Чжоу-нань не отвечает на слова крысы» («Соу шэнь цзи» [«Записки о поисках духов», IV в.); «Записки времен тайпинов» (978); «Повествование о (династиях) Суй и Тан» (1675); «А-сянь» («Ляо-чжай-чжи-и» [«Описание чудесного из кабинета Ляо», XVII в.) Пу Сунлина; «Путешествие на Запад» (ок. 1570); «Полное собрание жизнеописания восьми корифеев даосизма» (1868) У-гоу-дао-жэня; «Шань хай цзин» [«Каталог гор и морей»] (<475–221 до н.э.?)»; «На крысу взгляни», «Большая крыса» («Ши цзин» [«Канон поэзии», XI–VI вв. до н.э.).

²⁴ Согласно даосизму и неоконфуцианству, «человек может преодолеть свою “отключенность”, “отдельность” от мира» и создать «единое целое» (Торчинов Е.А. Вещь и вещьность в китайской и европейской философии // Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб.: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2005. С. 91).

культуре дракон является священным символом; в китайской культуре он означает благополучие и власть. К трактовке произведения привлечен китайский, приамурский, русский, европейский литературный и культурный материал, в том числе древний философский трактат «Хуайнаньцзы» [«Философы из Хуайнани»] (не позднее 139 г. до н.э.), китайский классический роман XVI в. «Путешествие на Запад», художественные произведения русских писателей «Фарфоровый павильон» (1918) и «Странник» (1918) Н.С. Гумилева, «Дракон» (1918) Е.И. Замятина, «Бронепоезд 14–69» (1921) Вс.В. Иванова, «Легенда о драконе» (1927) А.И. Несмелова, «Дракон» (<1930>) Вс.Н. Иванова, «Дракон, пожирающий солнце» (<1934>) Б.Н. Волкова, «Дракон» (1942–1944) Е.Л. Шварца, «Запахи миндаля» (1997) С.Г. Георгиева. Доказано, что в «Пути дракона» авторская интерпретация образа дракона объединяет восточную, русскую и европейскую литературные традиции. Восприятие Юльским ментального своеобразия хунхузов, закрепленного в национальной мифологии и отраженного в сюжете рассказа, имеет реальную основу, что подтверждается положениями трудов «Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке» (2010) Д.В. Ершова и «Отряд Асано: русские воинские формирования в Маньчжоу-го, 1938–1945» (2012) С.В. Смирнова.

В параграфе 3.3 *«Мифопоэтика оборотня-лисицы (“След лисицы”)*» рассматривается функциональность мифологемы оборотня-лисицы в сюжете и психологическом рисунке рассказа «След лисицы». В рассказе обстоятельно описана психология зависимости русского офицера лесной полиции от демонической природы лисы-оборотня, которой присущи азиатские черты. Спасенный от гибели старообрядцами, он вновь отправляется на ее поиск.

Повествование представляет собой симбиоз реалистических, онейрических, приключенческих элементов с включением любовной истории. Логика видимой реальности вытесняется магией скрытой реальности. С точки зрения реалистического приключенческого рассказа, сюжет не завершен. С точки зрения мистико-приключенческого рассказа, сюжет завершен – герой уходит вслед за фантомом.

Создавая авторскую мифологию, Юльский интегрировал в нее традиционные образы из китайских источников. Событийный алгоритм рассказа («“кроткая восточная девушка влюбляет в себя”, “очаровывает”, “опаивает”, “перевоплощается”, “вредит”»²⁵), окрашенный магией, показателен для произведений китайской литературы, в которых действует оборотень. Для анализа текста привлечен литературный и культурный материал Востока, России и коренных народов российского Дальнего Востока, например «Чу Цы» [«Чуские строфы»] (<475–221 до н.э.>?), «Люйши Чуньцю» [«Анналы Люй Бувэя»] (239 до н.э.), «У-Юэ Чуньцю» [«Анналы царств У и Юэ»] (<25–220>?), «Сюань чжун цзи» [«Записки из мрака»] (<317–420>?), «Соу шэнь цзи» [«Записки о поисках духов»] (IV в.), басни И.А. Крылова, «Учитель» (1980) Ю.В. Мамлеева, «Священная книга оборотня» (2004) В.О. Пелевина. При сопоставительном анализе использован образ оборотня-лисицы в китайской культуре и знаменитом сборнике историй «Ляо-чжай-чжи-и» (XVII в.) китайского новеллиста Пу Сунлина, а также культ бессмертных лисиц в Маньчжурии в XIX – первой половине XX в.²⁶ Можно предположить, что Юльский знал о позитивной интерпретации лисы-оборотня в китайской культуре, но в рассказе ориентировался на противоположный вариант.

В четвертой главе **«Мир природы в творчестве Н.А. Байкова (повесть “Великий Ван”»)** рассмотрены представления Байкова об этноментальности, сформированной целостным миром маньчжурской тайги с ее витальной силой – энергией солнца. Доминантными в сознании таежных жителей обозначены органичность и разумность, Байков показывает их значение в сохранении природы.

В параграфе 4.1 **«Фитоморфные и зооморфные образы в изображении маньчжурской тайги (“Великий Ван”»)** анализируется реалистическое,

²⁵ Шумара Е.В. Мифологический контекст в прозе писателей дальневосточного зарубежья // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2016. Т. 2. № 1 (25). С. 33.

²⁶ Русские эмигранты заселяли Харбин, когда культ лисиц-бессмертных был популярен. См.: Тертицкий К.М. Культ лисицы в Маньчжурии (1920–1940-е годы) // Религиозный мир Китая. 2005 / Под ред. И.С. Смирнова. Серия «Orientalia: Труды Института восточных культур и античности». М.: РГГУ, 2006. С. 273–305; Яковлев Л.М. Лисица-оборотень. Чудесные случаи исцеления в Харбине // Там же. С. 267–271.

детализированное изображение дикой природы Маньчжурии, мифологизированной местным населением. Например, в «Великом Ване» кедр наделен характеристикой дендронима-доминатора. Он, с одной стороны, вызывает аллюзию на Древо жизни, с другой – получает смертельный смысл, через него автор развивает тему зыбкости изначально созданного мира перед неразумностью и дерзостью человека.

Заслугой Байкова в описании животного мира маньчжурской тайги является не столько многообразие животных (тигрица, горалы, соболь, медведь, кабан, красные волки, сороки, сойки, дятлы и др.), сколько широкое применение приемов антропоморфизации, писатель наделяет таежных животных мыслями и поведением, свойственными человеку. Тайга в изображении Байкова обретает черты природного социума, в котором звери и птицы сосуществуют подобно человеческому сообществу. Описывая коммуникативные связи диких зверей и птиц, писатель указывает на их коллективный разум, соразмерность агрессии и компромисса, естественное побуждение к ответственности за жизнь других (эпизоды с участием кабана Рваное Ухо).

В параграфе 4.2 *«Этнический миф в повести “Великий Ван” Н.А. Байкова»* исследуется этномифология местных жителей Маньчжурии, обуславливающая их поведение и соответственно сюжет повести. Ментальность населения проявляется в культе тотемного животного – тигра Великого Вана, воплощающего Горный Дух. В «Великом Ване» Байков наращивает мифологический нарратив вставными легендами.

Религиозное отношение таежников к Великому Вану и природе, их сознание и поведение отражают культы буддизма (лотос, карма, сансара, реинкарнация, альтруистические ценности), конфуцианства и даосизма (величие единства Неба и Человека), коды восточного язычества (неупокоенные души, смерть долголетних животных и проч.) Указано на влияние тигра на психологию китайцев²⁷, их судьбу (мотив человеческих жертв, эпизоды глав «Первое горе» и

²⁷ «Культ тигра, как и культ дракона, глубоко укоренился в психологии китайца и сжился с ним, войдя в обиход его повседневной жизни» (Байков Н.А. Великий Ван // Байков Н.А. Великий Ван: Повесть; Черный капитан: Роман / Вступ. ст. Е. Ким. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2009. С. 96).

«Последний бой»), его место в поверьях народов амуро-сахалинского региона.

Байков видит важнейшую специфику местного населения в мысли о единстве мира людей и мира животных, в ответственности за тайгу. Экологическая тема повести соотносится с конфуцианской и даосской концепцией единства Неба и Человека, суть которой заключается в том, что человек и природа – единое целое²⁸. Об изначальном законе их сосуществования говорит мортальная и посмертная мифология (на крови погибшего вырастает мак, подобный эпизод – в рассказе «Путь дракона» Юльского; «души погибших в лесах людей вселяются в тело птицы и летают по вершинам деревьев»²⁹ и т.п.).

В параграфе 4.3 *«Образ Великого Старика в прозе о дальневосточной таежной природе (Тун-Ли Н.А. Байкова, Дерсу Узала В.К. Арсеньева, Лувен М.М. Пришвина)»* рассматривается созданный Байковым идеальный образ таежника – старого зверолова Тун-Ли. В русской прозе писателей-натуралистов сформировались сходные персонажи – Дерсу Узала («По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь», «Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 году» В.К. Арсеньева), Лувен («Женьшень» М.М. Пришвина). Тун-Ли и Лувен – китайцы, Дерсу Узала – нанаец, Тун-Ли живет в маньчжурской тайге, Дерсу Узала и Лувен живут в тайге Российского Приморья; межэтнические контакты объясняют тот факт, что Дерсу Узала и Лувен говорят на пиджине. Все три персонажа типологически родственны, что позволяет рассматривать их как варианты одного литературного типа – Великого Старика, воспринимающего тайгу как среду своего обитания, руководствующегося наивной натурфилософией с долей мистицизма и представляющей целостную систему законов природы. В сознании Великих Стариков сложилась своя гносеология,

²⁸ В конфуцианском трактате «Чжун юн» (период Сражающихся царств, 475–221 до н.э.) говорится о том, что «Чжун Ни [Конфуций – Л.Г.] <...> вверху брал в пример небесный круг времен, внизу перенимал [естество] рек и почв». «Следование середине» / Примеч. А.Е. Лукьянова // Конфуцианский трактат «Чжун юн»: Переводы и исследования / Сост. А.Е. Лукьянов; отв. ред. М.Л. Титаренко. М.: Восточная литература, 2003. С. 65.

В даосской книге притч «Чжуан-цзы» зафиксирована философия: «Небо и Земля – отец-мать всех вещей» (Постижение жизни // Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В.В. Малявина. М.: Мысль, 1995. С. 174).

²⁹ Байков Н.А. Великий Ван. С. 188.

источник их познания – сама жизнь; их представления о мире не умозрительны; они верят в то, что все человекоподобно и имеет душу; они бережно относятся к тайге, мистически – к тигру. Великие Старики для человека городской цивилизации – в определенном смысле незнакомцы, вместе с тем они не социопаты, занимают свое место в микросреде. В их образе отмечаются моложавая внешность и здоровое душевное состояние.

Великие Старики являются выразителями авторской интерпретации отношений «природа – человек», «природа – цивилизация». Через их образ констатируются важность гармоничных отношений природы и человека, но и обреченность мира природы пред наступлением урбанистической цивилизации.

Прежде всего природа в произведениях Арсеньева, Байкова, Пришвина – жизнепорождающая. В прологе «Великого Вана» образ беременной тигрицы – символическое выражение витальных сил природы. В эпилоге символично метафорическое соединение ландшафта и тигра.

В «**Заключении**» представлены итоги исследования. В отличие от русской литературы европейской ветви эмиграции, в произведениях харбинских писателей одно из приоритетных направлений – художественное освоение жизни «чужих». В прозе Байкова, Шкуркина, Юльского показана уникальная ойкумена, в которой ярко проявляются как доминантные, так и маргинальные культурные специфики. Рассмотренные произведения являют собой пример художественного освоения малоизученного мира с его социальной и мировоззренческой полифонией. В совокупности проза Байкова, Шкуркина, Юльского достоверно передает многообразие действительности фронтальной зоны Российского Дальнего Востока и Маньчжурии.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 5 статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

- 1) *Линь Гуаньцзюнь*. «Хунхузы» П.В. Шкуркина: Реальный факт как основа этнографического рассказа // Мир науки, культуры, образования. 2019. Т. 77. № 4. С. 326–328. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,659;
- 2) *Линь Гуаньцзюнь, Солнцева Н.М.* Хунхуз в литературной рецепции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 1. С. 82–90. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,413;
- 3) *Линь Гуаньцзюнь*. Пиджин как стилевой прием в русской прозе Харбина («Игроки» П.В. Шкуркина) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 5. С. 70–76. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,353;
- 4) *Линь Гуаньцзюнь*. Мифопоэтика оборотня-дракона («Путь дракона» Б.М. Юльского и литературный контекст) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 2: Филология. С. 128–135. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,502;
- 5) *Линь Гуаньцзюнь*. Мифопоэтика образа оборотня-крысы («Возвращение г-жи Цай» Б.М. Юльского и литературный контекст) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2021. № 4. С. 143–151. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,230.

В других научных изданиях:

- 6) *Линь Гуаньцзюнь*. Китайская ментальность в «Игроках» П.В. Шкуркина // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения). Материалы VII Международной научной конференции. Москва, 17–19 декабря 2020 г. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 122–125.